Лекция четырнадцатая. Романтизм. Клейст. — В. Гюго. — В. Скотт. (с. 184 — 190)

(Настоящій господинъ, — владѣлецъ замка, — предоставляетъ писаніе, — простолюдину. — Его почтенная рука, — когда онъ подписывается, — царапаетъ — пергаментъ). Такимъ образомъ чисто національная муза Гюго (по мнѣнію одного нѣмецкаго критика — величайшаго генія, какого вообще могла произвести Франція) врядъ ли можетъ стать вполнѣ понятной и близкой иноземцу. Но благородное и возвышенное міровоззрѣніе Гюго, его вѣра въ будущность человѣчества, его искренняя любовь ко всѣмъ «униженнымъ и оскорбленнымъ», смѣлость и сила его идей и мыслей — выводятъ его далеко за предѣлы узко-національной поэзіи и даютъ ему право на почетное мѣсто въ ряду великихъ представителей всемірной поэзіи, вождей человѣчества на пути къ добру и красотѣ.

Блестящая, богатая талантами эпоха романтизма во Франціи не можетъ быть, конечно, очерчена въ немногихъ словахъ нашей лекціи. Мы не говорили даже объ Альфредѣ де Мюссе, единственномъ изъ поэтовъ Франціи, который могъ бы поспорить съ Гюго за пальму первенства. Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ этой эпохой мы отсылаемъ къ интересной книгѣ Георга Брандеса, «Литература XIX вѣка въ ея главныхъ теченіяхъ», какъ для нѣмецкаго романтизма, кромѣ того-же Брандеса, слѣдуетъ указать на блестящій очеркъ Генриха Гейне (3-ій томъ новаго русскаго изданія).

Совершенно своеобразный и независимый характеръ имѣлъ романтизмъ, или соотвѣтственное ~~ему движеніе~~, въ Англіи. Національная гордая обособленность страны наложила на ея литературу отпечатокъ извѣстной самобытности, которая не утрачивалась даже въ самое неблагопріятное время. Поэтому и освобожденіе англійской поэзіи отъ вліянія академическаго классицизма совершилось гораздо спокойнѣе и безъ той ожесточенной борьбы, которую пришлось вести представителямъ нѣмецкой «бури и натиска» или французскимъ романтикамъ. Уже въ XVIII вѣкѣ въ Англіи появляется богатая самостоятельная литература, носящая своеобразный политическій и общественный оттѣнокъ, возникаетъ сатирическій, юмористическій и бытовой романъ. Мы можемъ только назвать имена Свифта, Де Фое, Аддисона, Ричардсона, Фильдинга. Эта отрасль англійской литературы тогда же начинаетъ оказывать извѣстное вліяніе и на литературы другихъ странъ, въ соперничествѣ или странномъ сліяніи съ формами французскаго классицизма. Слѣдующій шагъ впередъ былъ сдѣланъ произведеніями Оливера Гольдсмита и сентиментальнаго юмориста Стерна, повліявшаго, между прочимъ, и на нашего Карамзина. Въ то же время, въ послѣдней трети XVIII в., пробуждается усиленный интересъ къ Шекспиру, забытому почти на столѣтіе, появляются новыя изданія и сборники старинной поэзіи, напр. «Реликвіи» Перси, давшія старо-англійскія народныя баллады, которыя своей живой и яркой колоритностью рѣзко оттѣнили всю отвлеченную сухую безжизненность правильной поэзіи во французскомъ вкусѣ. Макферсонъ издалъ пѣсни Оссіана, въ созданіи которыхъ, можетъ быть, и самъ участвовалъ; страсть къ старинной поэзіи такъ усилилась, что молодой и талантливый поэтъ Чаттертонъ рѣшился на грандіозную поддѣлку, выдавъ свои баллады въ истинно народномъ духѣ и неудачныя драмы за произведенія монаха Раулея, жившаго будто-бы въ XV вѣкѣ. Все болѣе росла потребность въ настоящей, непосредственной поэзіи, чѣмъ и объясняется успѣхъ, который сразу имѣлъ геніальный народный поэтъ Шотландіи, Робертъ Бернсъ, пѣсни котораго Карлейль сравниваетъ съ пѣснями полевого жаворонка, поднимающагося изъ низкой борозды въ голубую высь неба высоко надъ нашими головами и поющаго тамъ для насъ такъ неподдѣльно искренно. Стремленіе къ природѣ, къ дѣйствительности, даже въ самыхъ мрачныхъ ея сторонахъ (Краббъ), дѣлается направляющимъ для этого періода англійской поэзіи; въ противовѣсъ ему выступаетъ другая школа, удѣляющая преобладающее значеніе фантазіи, доходящая до предѣловъ въ стремленіи къ ужасному, таинственному, загадочному. Представители этой, такъ называемой, «готической» школы, имѣвшей лишь преходящій успѣхъ (Льюисъ, Вальполь,

Матюрэнъ, Редклифъ), повліяли на развитіе англійской литературы въ томъ отношеніи, что въ ней до нашихъ дней сохранился вкусъ къ фантастичному и удивительное умѣнье пользоваться этимъ элементомъ въ самой реальной формѣ.

Такимъ образомъ романтическая школа Англіи при своемъ возникновеніи не встрѣтила сколько нибудь серьезнаго сопротивленія и легко заняла господствующее мѣсто, не противорѣча установившимся воззрѣніямъ. Не будучи вынужденной къ оппозиціонному положенію, она оказалась свободной и отъ неминуемо связанныхъ съ такимъ положеніемъ полемическихъ крайностей. Съ другой стороны, борьба, продолжавшаяся четверть вѣка, съ революціонной и императорской Франціей, изолировавъ Англію отъ постороннихъ вліяній, придала бо́льшую жизненность и энергію ея возврату къ національному прошлому и къ самобытной литературѣ. Поэтому романтическая школа Англіи гораздо самостоятельнѣй, спокойнѣе и здоровѣе, чѣмъ на континентѣ Европы. Довольно сравнить любой изъ романовъ вождя англійской консервативной школы романтиковъ, В. Скотта, съ романомъ, мятежнымъ, страстнымъ и прекраснымъ, Виктора Гюго.

Вальтеръ Скоттъ, главный представитель романтизма въ Англіи, оказавшій неизмѣримое вліяніе и на развитіе романтизма въ другихъ странахъ, родился 15 августа 1771 года, по происхожденію шотландецъ, юристъ по профессіи. Счастливое теченіе его жизни, въ которомъ не было ни бурь, ни трагедій, прервалось только въ 1826 году, когда банкротство книгоиздательства Баллантина, въ которомъ В. Скоттъ негласно участвовалъ, сдѣлало поэта должникомъ на колоссальную сумму 120,000 фунтовъ стерлинговъ (болѣе милліона рублей). В. Скоттъ рѣшилъ покрыть долгъ своими литературными произведеніями, не переставая работалъ, издавалъ романъ за романомъ. Нѣсколько апоплексическихъ припадковъ, вызванныхъ разстройствомъ и переутомленіемъ, были причиной его смерти, 26 сентября 1832 года.

Съ раннихъ поръ юноша, особенно во время болѣзни, долгое время не позволявшей ему двигаться, сталъ увлекаться родной и иностранной литературой. Кромѣ Шекспира, Перси, Спенсера, англійскихъ романистовъ XVIII вѣка, между которыми и «готическая» школа ему нравилась, онъ уже въ это время ознакомился съ Данте, Тассо, Аріостомъ; «Донъ Кихотъ» на всю жизнь остался однимъ изъ любимѣйшихъ его произведеній. Позже онъ началъ изученіе нѣмецкаго языка, причемъ увлекался балладами Бюргера и Гете, даже переводилъ ихъ, передѣлалъ «Геца Берлихингена» и т. п. Въ то же время онъ совершилъ рядъ поѣздокъ и путешествій по странѣ, которая впослѣдствіи была мѣстомъ дѣйствія большинства его поэмъ и историческихъ романовъ.

Первыя литературныя работы В. Скотта не имѣютъ для насъ значенія; онъ переводилъ и писалъ самостоятельныя баллады, издалъ сборникъ шотландскихъ народныхъ стихотвореній. Въ 1805 году появилась поэма «Пѣснь послѣдняго Министреля». Въ 1808 г. «Марміонъ» (отрывокъ въ прекрасномъ переводѣ Жуковскаго, «Судъ въ подземеліи»), а въ 1810 г. «Леди Озера», наиболѣе популярная изъ его поэмъ, до 1817 года еще нѣсколько поэмъ, изъ которыхъ отмѣтимъ «Лордъ Островов». Всѣ эти поэмы замѣчательны особенно блестящими картинами природы и лирическими мѣстами. Появленіе Байрона сразу показало В. Скотту, что у него нѣтъ надежды на побѣду въ такомъ соперничествѣ, и это, можетъ быть, побудило его въ 1814 году окончить и издать романъ, начатый еще въ 1805 году. Этотъ романъ былъ «Веверлей». Съ этого произведенія начинается настоящая извѣстность В. Скотта. Былъ созданъ новый родъ литературы, историческій романъ. В. Скоттъ умѣлъ пользоваться своимъ успѣхомъ и съ этого времени безпрерывно слѣдуютъ его романы, изъ которыхъ особенно выдаются «Гей Мэннерингъ», «Антикварій», «Ламермурская невѣста», одинъ изъ самыхъ поэтичныхъ романовъ В. Скотта, блестящая картина среднихъ вѣковъ «Айвенго», «Кенильвортъ», «Вудстокъ», «Квентинъ Дервардъ», «Пертская Красавица». Въ